

С. М. Трофимова, Х. Ч. Алишина, М. Г. Усманова

НАЗВАНИЯ КРУПНЫХ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ В СОПОСТАВЛЕНИИ С БАШКИРСКИМ ЯЗЫКОМ И ЯЗЫКОМ СИБИРСКИХ ТАТАР¹

Рассмотрены и введены в научный оборот названия крупных домашних животных в старописьменном монгольском, халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках в сопоставлении с башкирским языком и языком сибирских татар на предмет выявления общих терминов и установления их общемонгольского или общетюркского характера. Данная группа лексики относится к наиболее древним пластам словарного состава языка и в жизни народа имеет большую материально-культурную ценность. Сбор, фиксация, анализ названий домашних животных в монгольских и тюркских языках, интерпретация ее в сравнительно-сопоставительном аспекте имеют большое научное и практическое значение, но неиспользование этих терминов постепенно приводит к их утрате. Проведенный анализ позволил выявить заимствованный характер многих из этих терминов. Термины, связанные с верблюдом и крупным рогатым скотом в старописьменном монгольском, халха-монгольском, бурятском, калмыцком языках, имеют тюркское происхождение, монгольские названия лошади имеют параллельные термины в тюркских языках: *азарга*, *хүлэг*, *жороо*, *аргамаг*, *агта*, что говорит о тюркском влиянии на монгольские языки.

Ключевые слова: *халха-монгольский язык, бурятский язык, калмыцкий язык, башкирский язык, язык сибирских татар, лошадь, крупный скот, верблюд, монгольские языки, тюркские языки*

Введение

В данной статье продолжается изучение тематической группы в составе лексики тюрко-монгольских языков, начатое в рамках внутривузовского гранта международного коллектива по теме проекта «Монгольские и тюркские языки: от алтайского единства до сегодняшнего времени (генетическое родство и ареальные явления)» на материале скотоводческой лексики.

Как известно, современные тюрко-монгольские этносы с незапамятных времен обитали на обширной территории Евразии и вели кочевой образ жизни. Средства к существованию они могли получать лишь благодаря тому, что занимались разведением скота, одной из основных сфер хозяйственной и материальной деятельности кочевых народов.

Здесь мы ограничимся лишь анализом и описанием пласта имеющихся скотоводческих терминов в рамках конкретной лексико-тематической группы: названий домашних животных в языке монгольских народов, привлекая для этого материал из башкирского языка и языка сибирских татар. Лексический материал кочевых тюрко-монгольских народов дает ценные сведения о местах их обитания, этнических и языковых связях, условиях жизни древних тюрок и древних монголов.

Несмотря на то, что термины скотоводства в монголоведении и тюркологии уже достаточно исследованы, так, например, такие ученые, как А. М. Щербак (1961), Ц.-Д. Номинханов (1959), А. Р. Рахимова (2001), В. И. Рассадин (1984; 2011; 2019), У. Ф. Надергулов (2000), Н. А. Яимова (2002), О. В. Нарылкова (2007) и др., внесли большой вклад в исследование этого пласта лексики в сравнительно-историческом аспекте, также следует отметить, что в книге «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» представлен подраздел «Домашние животные», написанный И. В. Кормушиным (СИГТЯ, 2001: 4), защищены кандидатские диссертации, в которых изучаются разные тематические группы в составе лексики тюркских (Аширов, 1971; Буранов, 1972; Хасиев, 1976) и др., монгольских (Бардаев, 1976; Телин, 2006; Бадмацыренова, 2006; Баярсайхан, 2009) и др., но все же нельзя утверждать, что

¹ Статья выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект».

они изучены окончательно, еще остается недостаточно изученной лексика, связанная с содержанием скота, использованием этой лексики в хозяйстве, кличками животных, болезнями и т. п., которая на протяжении веков была выработана кочевыми тюрко-монгольскими народами. Большую научную ценность представляет сбор конкретного материала у носителей языка, поскольку такой материал уникален и достоверен и в дальнейшем позволит применить его для сравнительно-исторических и этимологических изысканий.

Как было сказано выше, тюрки и монголы занимались разведением скота. В соответствии с ландшафтом местности, которая представляла собой обширные степи, тюрки и монголы могли осуществлять дальние перекочевки со своим скотом в поисках лучших пастбищ. Летом искали места, где было много растительности и водоемов, а зимой, где снега было относительно мало и скот мог бы сам добывать себе корм. Для обозначения таких мест выработаны общескотоводческие термины, относящиеся к характеру пастбищ. Так, например:

х.-монг. *отор* «отгонное пастбище; выпас скота на отгонных пастбищах; свежая трава весной; весенняя облава», см. *оторлогч* «пастух», бур. *отор* «летник, заимка; летняя ферма; дальнее пастбище», *оторлохо* «переезжать в летник со скотом», калм. *отр* уст. «отгонное пастбище», *отрч* «пастух» (на отгонных пастбищах), в старомонгольской письменности представлено *otur* id. Этот термин распространен и в тюркских языках, в основе которого лежит *от* со значением «трава», см. (ДТС: 373). Данное слово употребляется в тофаларском языке, например, *оьтар* [оьтары] «пастбище, выпас (с подножным кормом)» (Рассадин, 2016: 321), о тюркском характере этого слова и его происхождении см. у Севортыяна (1974: 481–483), (СИГТЯ, 2001: 119–120), у Рамстедта (1935: 291);

х.-монг. *Билчээр* «пастбище, выпас, выгон», бур. *бэлиээри* «пастбище, выгон (для скота)», калм. *белчр* «пастбище», стпм. *belçigerid.*, башк. *көтөүлек, утлау, утлауык, утлак, үреш* «пастбище, выгон», *мал утлауы* «выгон для скота».

Для сибирских татар понятие «пастбище» относительно новое, возникшее после перехода от кочевого к оседлому образу жизни, оно обозначается заимствованным из русского языка словом *поскут* (*поскотина*) – место, где пасутся коровы и другие домашние животные; *пастук* «пастух», *пастукләү* «пасти», *пастук кәңыгарыу* «отогнать скот для пастыбы»; также см. о функционировании этого слова в тофаларском языке: *пастуукта* = [пастууктаар] пасти, *пастуушить* (*обл.*), *быть пастухом, работать пастухом; мен стаадта пастууктап тур мен, ибилерни һарап тур мен* «я работаю в стаде пастухом, смотрю за оленями» (Рассадин, 2016: 337).

Как пишет В. И. Рассадина (2010: 32): «Еще в XVIII в. европейские ученые заметили наличие большого количества сходных терминов в области степного скотоводства в монгольских и тюркских языках». Далее В. И. Рассадина (Рассадин, 2019), занимавшийся исследованием тюрко-монгольской языковой проблемы, считает, что монгольские языки испытали сильное тюркское влияние. При этом основными критериями тюркского происхождения рассматриваемого пласта номадной лексики для В. И. Рассадина «послужили: а) наличие этого термина в пратюркском и древнетюркском языках и распространение по современным тюркским языкам и б) невозможность этимологизации на основе монгольских языков» (Рассадин, 2010: 33), т. е. «...лексика номадного скотоводства монгольских языков достаточно хорошо демонстрирует заимствование соответствующих тюркских терминов» (там же: 38).

Материал исследования по современным монгольским языкам взят из словарей (БАМРС, 1, 2001; БАМРС, 2, 2001; БАМРС, 3, 2001; БАМРС, 4, 2002; БРС, 1, 2006; БРС, 2, 2008; КРС, 1977; Пюрбеев, 1996; Рассадина, 2016), материал по башкирскому языку взят из «Академического словаря башкирского языка» в десяти томах (2011; 2018), «Диалектологического словаря башкирского языка» (2002), материал по языку сибирских татар из «Словаря диалектов сибирских татар» Д. Г. Тумашевой (1992), данные по древнетюркскому языку привлечены из словаря (ДТС, 1969), а также по всем языкам привлекались полевые материалы авторов.

Результаты и обсуждение

Во всех монгольских и в большинстве тюркских языках *мал* имеет общевидовое значение «скот»:

х.-монг. *мал* «скот, скотина; имущество» в старописьменном монгольском языке представлен в виде того же *mal*, ср. бур. *мал*, калм. *мал* id., башк. *мал*, сиб.-тат. *Мал* «домашний скот». В древнетюркском языке *mal* «1. имущество; достояние; богатство; <...>; 2. товар; <...>» (ДТС, 1969: 335) считается, что эта лексема арабского происхождения. Действительно, для кочевых народов *мал* – это богатство, товар, достаток в семье. Во всех языках есть специальные слова, обозначающие человека, который занимается скотоводством:

х.-монг. *Малчин* «скотовод; пастух», стпм. *malčīn* id., *адууч* «табунщик, конюх, коновод, табунный пастух», *тэмээчин*: «1) верблюжий пастух; верблюдовод, верблюжатник; верблюжьих пастухи, верблюжатники; 2) погонщик пастухов», *морьч* «конюх», *үхэрчин* «пастух крупного рогатого скота»;

бур. *малишан* «скотовод, скотник, пастух», *үхэришэн* «пастух крупного рогатого скота; скотник», *адуушан* «табунщик», *тугалшан* «телятник», *тэмээшэн*: «1) пастух верблюдов; 2) верблюдовод»;

калм. *малч* «скотовод», *адуч/агтч* «табунщик, пастух лошадей», *адучлх* «ходить за табунном, пасти табун», *мөрч* «конеvod», *темэч*: «1) пастух верблюдов; 2) верблюдовод»; *үкрч* «пастух крупного рогатого скота», *туһлч* «пастух телят»;

башк. *Малсы* «скотник, скотница, скотовод», *көтөүсө* «пастух», *йылкысы* «табунщик»; *йылкы көтөүсөһө* «табунщик», *йылкысы*: «1. коневод; 2. табунщик»; *куй (или һарык) көтөүсөһө* «чабан», *көтөүсө ярзамсыһы* «подпасок», *дөйәсө* «погонщик», *дөйә караусы* «верблюжатник»;

сиб.-тат. *пәстүк* «пастух», *қуй қарауцы, қуй көтүце* «овечий пастух», *кәчә қарауцы, кәчә көтүце* «козий пастух».

В некоторых случаях для наименования человека, который занимается скотоводством используются модели номинации с глаголами, т. е. словосочетания:

х.-монг. *адуулаха* «ходить за табунном, пасти скот, присматривать за скотом»; *үхэр адуулха* «пасти рогатый скот», *морь баригч* «конюх, коновод», досл.: «ловец лошадей», *мал маллах* «пасти скот», *мал сахих хүн* «пастух; сторож при скоте»;

бур. *мал ажалчан* «животновод, букв. хорошо ухаживающий», *мал хараха/мал хараашан* «пасти скот (букв. смотреть за скотом)», «пастухи»; *адуу хардаг хүн* «табунщик» *үхэрхарааша хардаг хүн* «пастух (коровий)», *тугал хардаг хүн* «телячий пастух»;

калм. *мал халәжхәрүлдг күн* «скотовод, животновод, пастух», *мал тежәх* «держатъ скот, ухаживатъ за скотом», *мал халәх* «присматриватъ, ухаживатъ за скотом»;

башк. *ат караусы* «конюх, коновод, букв. ухаживающий за лошадьми», *бызау караусы* «телятник, телятница, букв. ухаживающий за телятами», *йылкы көтөүсөһө* «табунщик, букв. ухаживающий за табунном», *куй/һарык көтөүсөһө* «чабан, букв. ухаживающий за овцами», *малкараусы* «скотовод, букв. ухаживающий за скотом»;

сиб.-тат. *мал көтүце* «тот, кто стережет скот», *мал қарауцы* «тот, кто смотрит за скотом», *ат карауцы / ат көтүце* «конюх, сторож, пастух, букв. ухаживающий за лошадьми».

Монгольские и тюркские народы разводили пять видов скота, так, например, в БРС со ссылкой на работу Л. Линховойна читаем: «...буряад зон хэр угһаа табан хушуу мал үсхэбэрилдэг байһан, тиин тэдэнэй ажабайдалые үе на һаара эрхилжэ ябаһан адуу малһаа амяарнь харахын аргагүй юм» – буряты – это прирожденные скотоводы, веками они разводили пять видов скота и всю их жизнь и быт невозможно рассматривать вне связи со скотоводством, которым они занимались с незапамятных времен (БРС, I: 530). Авторы «Сравнительной грамматики тюркских языков» пишут, «что все названия пяти видов скота, которые

разводили предки тюрков, были унаследованы языками-потомками от общетюркского праязыка» (СИГТЯ, 2001: 425):

х.-монг. *таван хошуу мал* (БАМРС, Т. 2: 314); бур. *табан хушуу мал* (БРС, I: 530); калм. *тави зүсн мал* (КРС: 339); башк. *биш төр мал* (ПМА, 1982); сиб.-тат. этого слова нет.

Крупный скот представлен следующими терминами: х.-монг. *адгуус мал* / *бод мал* «крупный скот», бур. *үхэр мал* «крупный рогатый скот» / *эбертэ мал* «рогатый скот», калм. *бод мал* id., башк. *мөгөзлө эре мал* / *эре мал* «крупный рогатый скот» или *һыйыр малы* «рогатый скот», сиб.-тат. *эре мал* «крупный скот», сиб.-тат. *эре мал*, *эрек*, *мөйөслөк*, *эйван*, «рогатый скот».

В данной статье будут проанализированы три группы домашних животных: 1) лошадь; 2) крупный скот; 3) верблюд.

ЛОШАДЬ

Термины, связанные с лошастью, во всех монгольских языках имеют общемонгольский характер, для убедительности приведем примеры из хал-монгольского *морь* (*морин*), бурятского *морин* и калмыцкого *мөрн*, стпм. *morin* «лошадь».

Зафиксированы следующие названия, связанные с лошастью: х.-монг. *гуна(н) азрага* «трехлетний жеребец», *гүү(н)*, стпм. *gegün*, id. *унага(н)*, стпм., *ипауан* «жеребенок до года», *даага(н)*, стпм. *дагауан* «годовалый жеребенок, стригунок, жеребчик по второму году», *сарваа* «два года», *шүдлэн* «двухгодовалый; трехлетний (о скоте)», *шүдлэн азарга* «трехлетний жеребец», *үрээ* «двухгодовалый конь», стпм. *üriye* «двух-, трех-, четырехгодовалый жеребенок, мерин», *битүү шүдлэн* «три года», *гунна(н) азрага* «трехлетний жеребец», *туулан* «пятiletний» (Номинханов, 1959:130), *туулжн* «пятiletняя кобылица; скотина пяти лет» [там же], *хязаалан* «четыре года», *соёолон* «пять лет», *хавчиг соёолон* «шесть лет», *жагссан морь* «семилетний конь, взрослый конь»;

бур. *азарга* «жеребец», *гүүн* «кобылица», *унаган* «жеребенок до года», *дааган* «жеребенок, лончак», *үрээ* «лошадь трех-четырёх лет», *хизаалан* «четырёхлетняя кобылица», «лошадь до пяти лет»; калм. *ажрһ үрә* «трехгодовалый жеребец», *бәәсн* «кобылица-трехлетка», *сарва* «годовалый жеребенок», *унһн* «жеребенок (до года)», *дааһн* «двухгодовалый жеребенок, лончак», *бәәсн* «кобылица-трехлетка», *ажрһ* «трехгодовалый жеребец», *гүн* «трехлетняя кобылица», *дөнн* «лошадь по четвертому году», *сарва* «годовалый жеребенок», *тогтх* «стать жеребой на втором году (о кобылице-двухлетке)», *туңһн (туңһу)* «первожеребая кобыла».

В монгольских языках зафиксированы и другие термины: х.-монг. *адуун* «табун, косяк лошадей; конское стадо», *агт адуу* «табун, косяк лошадей; лошади», *азарга адуу* / *сүрээг адуу* «косяк табуний (лошадей); лошади», *хүлэг* «лошадь; рысак, аргамак»;

бур. *адуун* «1) табун, косяк, стадо (лошадей), лошади, кони», *агта* «конь (хороший), рысак, скакун», 2) «мерин, холощеный жеребец», *хүлэг* «аргамак, рысак», *агта хүлэг* «конь-бегунец, аргамак, рысак», *архан хүлэг* «рысак, аргамак», *аргамаг* «аргамак», *жороо* «иноходец», *хойлго*: 1) (уст.) «лошадь, предназначенная для отвоза умершего», 2) (перен.) «кляча».

Названия терминов по полу и возрасту в современных халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках носят общемонгольский характер:

х.-монг. *унага*, стпм. *ипауан*, бур. *унага*, калм. *унһн* «жеребенок до года»; х.-монг. *даага(н)*, стпм. *Дагауан* «двухлетний жеребенок», бур. *дааган* «жеребенок, лончак», калм. *дааһн* «двухлетний жеребенок»; х.-монг. *үрээ*, стпм. *üriye* «двух-, трех-, четырехгодовалый жеребенок, мерин», бур. *үрээ* «лошадь трех-четырёх лет», калм. *үрә* «трехлетний жеребенок»; х.-монг. *азарга*, стпм. *ajirya* «жеребец», бур. *азарга* «жеребец (в табуне на 20–30 маток имелся один жеребец)», калм. *ажрһ*; х.-монг. *гүү*, стпм. *gegün*, бур. *гүүн* «кобылица», калм. *гүн* «кобылица».

Видовое название лошади в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках носит общемонгольский характер, в чем убеждает их параллельное функционирование: х.-монг. *агт*, стпм. *агта* «конь, рысак; мерин; табун; кастрат», бур. *агта* «1) конь (хороший), рысак, скакун», калм. *агт* «1) конь, рысак»; х.-мог. *унаа(н)*, стпм. *итиуа* «верховое животное, верховая лошадь», бур. *унаа морин* «рабочий скот, тягловая сила», калм. *унаһин мөрн* «верховая лошадь»; х.-монг. *адуу*, стпм. *адиуун* «табун, косяк; лошадь, кони», бур. *адуун* «1) табун, косяк, стадо (лошадей), лошади, кони», калм. *адун* «табун; лошадь»; х.-монг. *аргамаг*, стпм. *аргумар* «аргамак», бур. *агта хүлэг* «аргамак, рысак», калм. *аргамак* «аргамак»; х.-монг. *байдас*, стпм. *bayidasun* «1) молодая кобылица; 2) яловая кобылица», бур. *байтаһан* «яловая в течение нескольких лет (о кобылице, корове)», *байтаһангүүн* «яловая жирная кобылица», калм. *бээсн* «трехлетняя кобыла»; х.-монг. *жороо морь*, стпм. *жирюа* «иноходец», бур. *уһанжороо морин* «чистый иноходец», калм. *жора мөрн* «иноходец»;

Следует привести примеры, связанные с лошадей, в халха-монгольском, старописьменном монгольском языках, но которых нет в бурятском и калмыцком, например, х.-монг. *шүдлэн*, стпм. *Šidüleng* «двухгодовалый; трехлетний (о скоте)», *шүдлэн азарга* «трехлетний жеребец», *шүдлэн үрээ* «двухгодовалый конь»; *хязаалан*, стпм. *kijayalang* «четырёхгодовалое домашнее животное (лошадь, корова)», *хязаалан морь* «четырёхлетняя лошадь»; *соёлон*, стпм. *soyuyalang* «пятiletний (о домашних животных)», *хавчиг соёлон* «шестилетний (о лошади)», *хуучин соёлон* «лошадь в возрасте около шести лет», *шинэ соёлон* «лошадь в возрасте около пяти лет»; к скотоводческому термину можно отнести термин, связанный с шаманским обычаем погребения вместе с умершим его вещей и коня, например, *хойлго* стпм. *qoyilya* «жертвоприношение при захоронении умершего».

Зафиксированы термины в халха-монгольском и калмыцком, но этих терминов нет в бурятском языке, например, х.-монг. *сарваа*, стпм. *sarbaya* «двухлетний жеребенок», *хар алаг сарваа* «буланный жеребенок-двухлеток с темно-пегим хвостом и гривой», калм. *сарва*, «годовалый жеребенок», х.-монг. *туулан*, стпм. *tu:lan* «пятiletний (о скотине)», калм. *туулн* «пятiletний», *туулн наста мөрн* «пятiletний конь», х.-монг. *хөлөг*, стпм. *köliig* «лошадь, экипаж высокопоставленного лица», в бурятском языке данный термин не зафиксирован, калм. *көлгн* «средство передвижения, транспорт», х.-монг. *ажнай*, стпм. *ajinai* «2) благородный; лучший из лучших, наилучший», *ажнай морь / ажнай хүлэг* «наилучший конь, аргамак», *ажнай мэ-дэгч цагаан морь* «а) мифический нгаилучший конь; б) благородный конь», ср. калм. *арнзл* «сказочный конь героя».

Рассмотренный соответствующий лексический материал из башкирского языка и языка сибирских татар дал следующие результаты:

башк. *ат* «лошадь», *бейә* «кобыла», *айғыр* «жеребец», *колон* «жеребенок», *тай-тулак* «молодняк (о лошади), молодой конь», *йөк йөрөтә торған хайуан* «вьючное животное», *арба*, *йөк арбаһы* «повозка», *кысыр*, *тыу* «бесплодный, яловый», *байтал* «нежеребившаяся кобылица», *йәш бейә* «молодая кобылица», *бәйге аты*, *йүгерек*, *сапкыр* «скакун, помесь дикого жеребца с кобылой», *юрга* «иноходец», *аргымак*, *бәйге аты* «скакун, аргамак», *алаша* «мерин; кастрат»;

сиб.-тат. *ат* «лошадь», *пейә* «кобыла», *айғыр* «жеребец», *кологцак*, *колон* «жеребенок», *тай* «1) жеребенок; 2) молодой конь»; *йөк хайван* «вьючное животное»; *арба* «повозка», *кысыр* «бесплодный, яловый», *байтал* «нежеребившаяся кобылица», *байтал* «молодая кобылица трех лет», *аргамак* «скакун, помесь дикого жеребца с кобылой», *юрга/йүргә* «иноходец», *цабыш ат*, *аргамак* «скакун, аргамак», *пецелгән ат* «мерин; кастрат».

Несмотря на то, что общемонгольский термин *жороо* «иноходец» в сочетании со словом *морь* в трех монгольских языках означает «иноходец», по утверждению В. И. Рассадина: «Общемонгольское слово *жороо* “иноходец” представляет собой древнее заимствование и фонетическую адаптацию тюркского *жорйүaid.*, который происходит от тюркского глагола

zor-, jori- «идти, ходить, передвигаться» (Рассадин, 2015: 11). Как пишет И. В. Кормушин: «Монгольские формы – бур. *агта*, халх. *агт(ан)*, калм. *акт* ‘конь, рысак’, ‘мерин, холощенный жеребец’, халх. ‘табун’, бур. ‘холощенный (о животном – конь, боров, кобель, каплун, верблюд, а также о человеке)’, бур. диал. ‘скот’, – сочетающие в себе семы «для верховой езды» и «холощенный», в этом плане семантически точно соответствует тюркскому *at* (СИГТЯ, 2001: 441).

Как видим из приведенного материала, в башкирском языке и языке сибирских татар с лошастью связаны другие термины, по сравнению в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках. Как пишет В. И. Рассадин: «Лишь тюркские *adyir, ajyir, kölük, joriya, argamak* и *агта* находят параллели в монгольских *азарга, хүлэг, жороо* (< древнемонг. *jiruya*), *аргамак* и *агта* (Рассадин, 2015: 10).

Таким образом, в монгольских языках в сопоставлении с башкирским языком существует разграничение названий по возрасту и связано с разграничением по временам года. Для обозначения молодняка лошади в возрасте от двух-трех лет используется слово х.-монг. *гуна(н)*, который выражает определенный естественный пол, ср. башк. *Конан* «жеребец двух-трех лет», от слов *гуна(н)*, *конан* с аффиксом *-jin*, для обозначения образуется новое слово, обозначающее кобылицу двух-трех лет. Аффикс *-jin* имеется только в монгольских языках и может проследиваться в тюркских словах (башкирском языке), которые заимствованы из монгольско-тюркского языка. Для выражения различий пола в данном случае используется морфологический способ выражения пола. Также следует отметить, что зафиксировано множество слов, обозначающих лошадь по различным внешним признакам, можно было бы расширить перечень этих слов, однако в этом нет необходимости, поскольку изучение упомянутой лексической группы может выступить в качестве предмета исследования следующей статьи.

РОГАТЫЙ СКОТ

Крупный рогатый скот в халха-монгольском, бурятском и калмыцком, башкирском языке и языке сибирских татар представлен следующими терминами:

х.-монг. *үхэр* «1) крупный рогатый скот; бык, корова, вол»; *мухар үхэр* «комолая, безрогая скотина», стпм. *üqer id.*, для наименования коровы параллельно используется термин *үнээ(н)*, стпм. *ünigeid.*, *моготорүнээ / мухар үнээ / түнжин үнээ* «комолая корова»; *мөргөдөгүнээ* «бодливая корова»; *салийнүнээ* «дойная корова», *сувайүнээ / хусран үнээ* «яловая корова», *сүүтэйүнээ* «молочная корова», *хээлтэйүнээ* «стельная корова», *сар үхэр* «вол», *гуна(н)* «1) трехлетний бычок; трехлетний (о самце животного)», стпм. *γunap id.*, *гунж(ин)* «1. Трехлетняя корова; 2. Трехлетняя (о самке животного)», стпм. *γunajin*, на четвертую осень самца называли *дүнэн* «четырёхлетний», *дүнжэн* «корова четырех лет»; *тугал* «теленка (до года)», стпм. *tuγul id.*, *бярүү* «двухгодовалый теленок», стпм. *birayū.*; следующей осенью *хашараг* «годовалый телок, двухлетний бычок», *хашираг* «двухгодовалый теленок, двухлетний бычок»;

бур. *үхэр* «1) крупный рогатый скот; 2) вол, кастрированный бык; 3) корова», для наименования коровы параллельно используется термин *үнеэн*, *үнеэн үхэр* «корова», *буха* «бык-порок, бугай», *тугал* «теленка», *буруу* «теленка до года», *буруун* «телка-двухлетка», *буха буруу*, *буруун буха* «двухлетний бычок», *хашараг* «двухгодовалый телок, двухлетний бычок», *гунан* «трехлетний (о быках)», *гунжан* «трехлетняя (о самках крупного рогатого скота)», *дүнэн* «четырёхлетний (о быках)», *дүнжэн* «четырёхлетняя (о самках крупного скота)», *һалбай* (редко) «переставшая доиться корова», бур. *йихэ үхэр* «взрослый скот»; *йихэ үхэр* «взрослый скот», *бурун буха* «бычок по третьему году», *һубайүнеэн* «яловая корова», *бүдүүнүнеэн* «корова старше пяти лет», *боодүнеэн* «стельная корова», *хюһаран үнеэн* «яловая, но дойная корова (доющаяся второй год)», *байтаһан үнеэн* «яловая корова несколько лет», *хайдаг үнеэн* «корова, доющаяся без теленка»;

калм. *бүрү хунжн* «нетель (в возрасте от двух до трех лет)», *хунн цар* «трехлетний бык», *дөнн наста цар* «четырёхлетний вол», *күцц наста үкр* «старая корова (в возрасте до шести лет)», *соялц мал* «крупный рогатый скот (в пятилетнем возрасте)», *суврхаүкр* «яловая корова», *тишрдгүкр* «корова, которая лягается», *хусрң үкр* «яловая, бесплодная корова (однако продолжает доиться)», *шовһр хоңшарта үкр* «остромордая корова», *толһань цаһан үкр* «белоголовая корова», *толһань хар үкр* «черноголовая корова», *саадг үкр* «дойная корова», *саад-гоүкр* «недойная корова».

В современных монгольских языках разграничение названий по возрасту связано с разграничением по временам года, например:

х.-монг. *хэнз* «2. 1) родившийся осенью, поздний (о молодняке скота); *хэнз хурга* «осенний ягненок», бур. *хэнзээ* «2. 1) родившийся осенью, поздний (о молодняке скота); *хэнзээ тугал* «поздно родившийся теленок; *хэнзээ хурьган* «осенний ягненок», калм. *кенз туйл* «теленки, родившийся поздней осенью», стпм. *qenže id*.

В халха-монгольском, бурятском, калмыцком языках зафиксировано множество слов, называющих масти крупного скота:

х.-монг. *тарланүнээ* «пестрая корова», *улаагч үнээ* «корова рыжей масти», *алагчгүү* «пегая кобыла, пеганка», *алагчүнээ* «пегая корова», *шарагчинүнээ* «желтая корова», *цагаагчин* «белая», *хар тугал* «теленки черной масти», *хар хүрэн* «темно-коричневой масти»; *хүрэн* «коричневый, бурый», *хар хөх* «иссиня-черный», *тарлан үхэр* «пестрая скотина; корова, у которой вдоль всего хребта идет белая полоса»;

бур. *үхэр* «1. 1) чаще употребляется как родовое название «крупный рогатый скот»; показатель *-гшан* служит для обозначения масти крупного рогатого скота женского пола, например: *сагаагшан* «белая кобылица» – *сагаан гү id.*, *улаагшан* «1. рыжая (о масти самок животных)»; *улаагша үнээн* «краснуха (о корове красной, рыжей масти)»; *улаагша гүүн* «кобылица рыжеватой масти», *хүүгшэн* «серая корова», *харагшан* «черная корова», *хаарагшан* «2. *хаарагшанүнээн* (*хүрибтэр боро зүһэтэй*) «буланая корова», *хүригшэн* «бурая корова», *алагшан* «пестрая, пеструха, пегая (кобыла или корова)», *малаагшан* «корова с белым пятном на лбу», *ёбуутай үнээн* «с плешью на лбу», *эрээгшэн үнээн* «пеструха, пеганка»; *алагша үнээн* «пегая корова»;

калм. *шаазһа алг үкр* «пестрая, как сорока, белобокая корова», *тарлң цоохр үкр* «пестрая, рябая корова», *алг үкр* «пестрая, рябая корова, пеструха», *хар алгүкр* «черно-пестрая корова», *шар алг үкр* «желто-пестрая корова», *улан алгүкр* «красно-пестрая корова», *тарлң цоохр үкр* «пестрая, рябая корова», *улагчн* «корова красной масти, краснуха», *хоогч үкр* «корова светло-желтой масти», *хоогч үкр* «светло-рыжая корова».

С помощью специальных слов в калмыцком языке выявлены особые термины по каким-то особым признакам: *худһр өвртэ үкр* «корова со скрученными вниз рогами», *далю өвртэ үкр* «корова с наклонными, кривыми рогами», *жылмр нооста үкр* «корова с гладкой, хорошей и чистой шерстью», *кевлһэн кевсн үкр* «корова, жующая жвачку», *көвжсг* «период минимального удоя (у коровы)», *шовша йовдл* «семенящий шаг, семенящая походка (у коров)», *молһр өвртэ үкр* «безрогая, комолая корова», *олю-солю өвртэ үкр* «корова с рогами, направленными в разные стороны» и т. д. В других монгольских языках параллелей к калмыцким терминам нет.

Приведем для сопоставления соответствующие названия из башкирского языка и языка сибирских татар: др.-тюрк. *ид, ид, иҗәк, сийир* «корова» (ср. современные: башк. *һыйыр*, сиб.-тат. *сыйыр*), др.-тюрк. *бица* «бык-производитель» (ср. современные: башк. *үгез, уст. бога, буга, бука, бүгәй* (диал.) «племенной бык», сиб.-тат. *үгес*), др.-тюрк. *ögüz, öküz* «вол, бык» (ср. современные: башк. *үгез, сиб.-тат. үгес*), др.-тюрк. *buzay, buzayu* «теленки» (ср. современные: башк. *бызау, сиб.-тат. пысау*), др.-тюрк. *tadun* «годовалый теленок» (ср. современные: башк. *бызау, торпо* «теленки годовалый», *һараяк* «теленки годовалый, родившийся осенью», *арза* «теленки-сосунок (до двухлетнего возраста)», сиб.-тат. *тана, tadun* «двухгодовалый бычок»

(ср. современные: башк. *үгез, үгез бызау* «бычок», *торпак, үгез баймак* «бычок молодой, годовалый», *тана үгез* «бычок на втором году», сиб.-тат. *үгесцәк, үгес*), др.-тюрк. *qisir* «яловая» (ср. современные: башк. *тыу (кысыр, конайын) һыйыр*, сиб.-тат. *қысыр сыйыр*).

Следует отметить, что от лексем х.-монг. *гуна(н)* и *дөнөн* образуются формы *гунж(ин)*, *дөнжсин*, башк. *конан* и *дүнән* образуются формы *конајін*, *дүнәжен*, которые употребляются по отношению к самкам: х.-монг. *гунж(ин)* «1. трехлетняя корова», *дөнжсин* «четырёхгодовалая (о корове)», бур. *гунжан* «трехлетняя телка», *дүнжэн үнээн* «корова четырех лет», калм. *һунжһи* «корова-трехлетка», *дөнжһи үкр* «четырёхлетняя корова»; башк. *конајін/май байтал* «кобыла по второму году»; *конан, конан байтал, конажын, конажынбайтал* «кобыла-трехлетка (по третьему году)»; *дүнәжен, дүнәжен байтал* «кобыла по четвертому году», *тыуар һыйыр* «корова, телившаяся четвертый раз», *кынайын* «корова третьего отела», *торпо* «корова трехлетняя».

Как видим от х.-монг. (читай бур., калм.) *гунна(н)* и *дөнөн*, башк. *конан* и *дүнән* образуются производные по принципу выражения половых различий животных и приобретают форму категории субъективной оценки. В монгольских языках и в башкирском языке к основе, оканчивающейся на *-н* наращивается аффикс *-јин*.

Как пишет С. М. Трофимова, следует отметить, что «...все исследователи первых монгольских грамматик не только проявляли интерес к данному вопросу, но и указывали на некоторые следы грамматического рода» (Трофимова, 2001: 17). Так, например, Б. Я. Владимирцов на сессии Российской академии наук сделал небольшое сообщение о том, что в монгольских языках словообразовательные аффиксы *-гчин*, *-джин* представляют собою следы бывшего выражения грамматической категории женского рода ...» (1925: 67), а также он приводит замечание Рашид-ад-Дина, который так рассуждал об особенностях речи татар: «Существует такой обычай, что всякий индивидуум, происходящий из этого племени (Тукукольют), если он будет мужского пола, называется Тукултай, а если женского пола, называется Тутукулчин...» (Владимирцов, 1925: 31). Как пишет А. М. Щербак: «То, что в тюркском языке он (читай: аффикс – Трофимова) прослеживается только в словах, заимствованных из монгольского языка, позволяет говорить о его монгольском происхождении» (Щербак, 1961: 93).

ВЕРБЛЮД

Термины верблюдоводства хорошо представлены в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках. Общеродовое понятие: х.-монг. *тэмээ*, бур. *тэмээн*, калм. *темән* «верблюд», стпм. *temegen* «верблюд». Этот термин функционирует и в тюркских языках. Как пишут авторы «Сравнительно-исторической грамматики. Лексика», «исходной формой для названия верблюда обычно принимают **teve*» (2001: 445), которое в древнетюркском языке зафиксировано в виде *tevä*», см. «Древнетюркский словарь» (1969: 546). На верблюдах ездили верхом, перевозили различные грузы, т. е. они обеспечивали жизнедеятельность кочевых народов.

Приведенные ниже половозрастные названия верблюда являются в халха-монгольском, старописьменном монгольском, бурятском и калмыцком языках общемонгольскими и хорошо этимологизируются:

х.-монг. *ингэ*, стпм. *inggen* «верблюдица», бур. *энгин*, калм. *иңһи* «верблюдица», *буур*, стпм. *buuiga* «верблюд-самец», бур. *буура, буйла* «верблюд-самец» (производитель), калм. *буур* «верблюд-самец», х.-монг. *ат(ан)*, стпм. *atan* «верблюд-кастрат, рабочий верблюд», бур. *атан тэмээн* «кастрированный верблюд-самец», калм. *атһи* «верблюд-кастрат, рабочий верблюд», х.-монг. *ботго*, стпм. *botuγan*, «верблюжонок до одного года», бур. *ботогон* «верблюжонок до одного года», калм. *ботһи, ботһи* «верблюжонок до одного года», х.-монг. *тором*, стпм. *torum* «двухлетний верблюжонок», бур. *тором* «двухлетний верблюжонок», калм. *торм*

«двухлетний верблюжонок», х.-монг. *тайлаг* стпм. *tayilaγ* «верблюжонок по третьему году», бур. *тайлаг* «трехлетний верблюжонок», калм. *талиг темэн* «верблюжонок по третьему году», *таальг* «некастрированный верблюд-самец (в возрасте трех-четырёх лет)», х.-монг. *битүү шүдтэй тайлаг* «молодой верблюд (у которого полный ряд зубов), х.-монг. *гуна(н)* «2. трехлетний (о самце животного)», бур. *гунан* «трехгодовалый, трехлетний (о самцах крупных домашних животных)», калм. *хунн буур* «трехгодовалый верблюд-самец», х.-монг. *гунжин тэмээ* «трехлетняя верблюдица», бур. *гунжан* «1. трехлетняя, трехгодовая (о самцах крупных домашних животных)», калм. *хунжн темэн* «трехлетняя верблюдица».

Перечень слов, который обозначает верблюда по полу и возрасту, можно было бы расширить, однако в этом нет надобности, поскольку эта группа лексики может быть предметом другого исследования.

Для башкирского языка и языка сибирских татар характерны следующие термины: др.-тюрк. *devä, tevä, tevi, tebä* «верблюд» (ср. башк. *дөйә*, сиб.-тат. *төя*); др.-тюрк. *ijän* «верблюдица» (ср. башк. *эңгәк дөйә / инә дөйә*, сиб.-тат. *инә төя*); др.-тюрк. *buγa* «верблюд-производитель» (ср. башк. *атан*, сиб.-тат. *ата төя*); др.-тюрк. *atan* «верблюд-мерин» (ср. башк. *бура, иркәк дөйә, ата дөйә*, сиб.-тат. *ата төя*); др.-тюрк. *botu, botuq* «верблюжонок» ((ср. башк. *бута, бутакан, дөйә балаһы*, сиб.-тат. *бота*); др.-тюрк. *torum* «верблюжонок» (ср. башк. *бута, бутакан, дөйә балаһы*, сиб.-тат. *бота*).

Следует отметить, что башкиры и сибирские татары в числе домашних животных не имеют верблюда, поэтому нет и специальных слов, которые обозначали бы отдельные виды этого животного, тем не менее этим языкам известны данные термины. Употребляется общее название верблюда башк. *дөйә*, сиб.-тат. *төя*, к которому прибавляются слова со значением 'самка', 'самец', 'детеныш' например, башк. *дөйә, инә дөйә*, сиб.-тат. *инә төя* «верблюдица», башк. *бура, иркәк дөйә, ата дөйә*, сиб.-тат. *ата төя* «верблюд», башк. *бута, бутакан, дөйә балаһы*, сиб.-тат. *бота бала* «верблюжонок».

Общемонгольские термины, которые обозначают верблюда, имеют параллели в башкирском языке и языке сибирских татар, поскольку монголы и тюрки начали взаимодействовать еще в глубокой древности, например, названия домашних животных (стпм. *temegen* < тюрк. *tebä* – верблюд (ДТС: 546), стп.-м. *botuyan* < тюрк. *Botu* верблюжонок (там же: 115), стп.-м. *inggen* < тюрк. *Ijän* (там же: 211) и т. д.

Заключение

Как можно видеть из рассмотренного материала, система названий, связанная с разведением домашних животных, чрезвычайно богата и разнообразна. В языке монголов, бурят, калмыков, башкир и сибирских татар представлена довольно развитая и разветвленная скотоводческая терминология.

Животноводческая лексика характеризуется однозначностью. Приведенные термины, связанные с домашними животными, говорят о том, что монголы испытали довольно сильное влияние тюрков, у которых переняли разведение крупного рогатого скота, верблюдов.

Анализ названий показывает, что большое количество терминов с незначительными фонетическими изменениями в монгольских языках имеет тюркское происхождение.

Сопоставляя халха-монгольские, бурятские и калмыцкие термины, которые относятся к лошади, мы приходим к выводу, что они имеют общемонгольский характер. Разведение лошадей у монголов и тюрков шло самостоятельно, независимо друг от друга. Из тюркских языков были заимствованы слова *азарга, хүлэг, жороо, аргамаг, агта* (см. выше).

Материал представляет большой интерес для этногенетических исследований.

Дальнейшее более углубленное изучение влияния тюркских языков на монгольские представляется необходимым для изучения истории тюркских и монгольских языков на обще-

монгольском и общетюркском уровнях и взаимовлияния монгольских и тюркских языков с дальнейшим привлечением тунгусо-маньчжурских языков.

Данное исследование может служить также материалом для историко-этимологического, сравнительно-сопоставительного, диалектологического, а также отраслевых словарей тюркских и монгольских языков.

Список сокращений:

башк. – башкирский;
бур. – бурятский;
др.-тюрк. – древнетюркский;
калм. – калмыцкий;
сиб.тат. - язык сибирских татар;
стпм. – старописьменный монгольский;
ПМА – полевые материалы авторов;
х.-монг.- халха-монгольский.

Полевой материал авторов:

ПМА 2018 – Пурэвжавын Мягмар, 1941 г. р. Запись в сумоне Давст (Увсунурский аймак, Монголия), 2018 г.

ПМА 2018 – Бальжинимаева Цыпелма Цыреновна, 1952 г. р. Запись в г. Улан-Удэ, 2018 г.

ПМА 2020 – Дензинова Лариса Менкеновна, 1953 г. р. Запись г. Элиста, 2020.

ПМА 2022 – Джальчинова Галина Санжиевна, 1948 г. р. Записи с. Бага-Тугтун (Яшалтинский район, Республика Калмыкия), 2022.

ПМА 1982 – Гильманова Сана Гафуровна, 1939 г. р. Запись с. Карамалы, Темясово (Баймакский район, Республика Башкортостан), 1982 г.

ПМА 2022 – Шарапов Чахбар Камалетдинович, 1928 г. р. Запись в с. Чечкино (Ярковского района Тюменской области), 2022.

ПМА 2022 – Юнусова Гайния Абдрахмановна, 1935 г. р. Запись в с. Каскара (Тюменского района Тюменской области), 2022.

Источники:

Академический словарь башкирского языка. Под редакцией Ф. . Хисамитдиновой. В 10 томах. Уфа: Китап, 2011–2018.

БАМРС, 2001 – Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 1. А-Г / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 486 с.

БАМРС, 2001 – Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 2. Д-О / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 507 с.

БАМРС, 2001 – Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 3. Θ-Ф / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 438 с.

БАМРС, 2002 – Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 4. Х-Я / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. 501 с.

Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа: Китап, 2002. 432 с.

ДТС 1969 – Древнетюркский словарь. Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение. 1969. 676 с.

КРС 1977 – Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов. Под редакцией Б. Д. Муниева. М.: Изд-во «Русский язык». 1977. 764 с.

Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.

Рассадин В. И. Тофаларско-русский словарь. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 608 с.

Севертян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974, с. 171.

- БРС 1**, 2006 – Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. I. А–Н. Улан-Удэ: Респуб. тип., 2010. 636 с.
- БРС 2**, 2008 – Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. II. Щ–Я. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. 708 с.
- Тумашева Д. Г.** Словарь диалектов сибирских татар. Казань: изд-во КГУ, 1992. 255 с.
- Ramstedt G. I.** Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.

Литература:

- Аширов П.** Животноводческая лексика в туркменском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1971. 16 с.
- Бадмацыренова С. В.** Лексика традиционного хозяйства окинских бурят и сойотов в сопоставлении с монгольской: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2006. 18 с.
- Баярсайхан Б.** Лексика животноводства в цэнгэльском диалекте тувинского языка: в сравнительно-сопоставительном аспекте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 26 с.
- Буранов М.** Термины животноводства в узбекских говорах Каракалпакии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1972.
- Бардаев Э. Ч.** Номадная лексика монгольских народов (Названия домашних животных по полу, возрасту и масти): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 25 с.
- Владимирцов Б. Я.** Следы грамматического рода в монгольском языке // Доклады Академии наук, 1025. С. 31–34.
- Надергулов У. Ф.** Животноводческая лексика башкир / под ред. Э. Ф. Ишбердина. Уфа, 2000. 185 с.
- Нарылкова О. В.** Лошадь и ее наименования в хакасском языке // Ежегодник Института Саяно-Алтайской тюркологии. Вып. XI. Абакан, 2007. С. 29–31.
- Номинханов Ц. Д.** Термины животноводства в тюркских и монгольских языках / Труды сектора востоковедения. Т. 1, Алма-Ата, 1959. С. 87–116.
- Рассадин В. И.** Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ, 1984. С. 55–80.
- Рассадин В. И.** Комплекс лексики номадного скотоводства монгольских языков в свете тюркско-монгольских языковых связей // Урало-алтайские исследования. 2010. № 1 (2). С. 32–38.
- Рассадин В. И.** Скотоводческая лексика калмыцкого языка в сравнении с турецко-месхетинском // Вестник Бурятского гос. ун-та. Улан-Удэ, 2011. № 8. С. 83–90.
- Рассадин В. И.** Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности / под ред. А. В. Дыбо. СПб.: Нестор-История, 2019. 608 с.
- Рахимова А. Р.** Лексика диалектов сибирских татар. Казань, 2001. 190 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков.** Лексика». М.: Наука, 2001. 822 с.
- Телин В. В.** Сложение пласта терминов традиционного хозяйства бурят: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 16 с.
- Трофимова С. М.** Именные части речи в монгольских языках. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2001. 366 с.
- Тумашева Д. Г.** Словарь диалектов сибирских татар. Казань: Изд-во КГУ, 1992. 255 с.
- Хасиев З. Аскер оглу.** Термины животноводства в западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1976. 21 с.
- Щербак А. М.** Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 82–172.
- Яимова Н. А.** Наименования лошади в алтайском языке // Теоретические вопросы алтайской грамматики. Горно-Алтайск, 2002. С. 225–229.

Трофимова Светлана Менкеновна.

Доктор филологических наук, профессор.

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова.

ул. Пушкина, 11, Элиста, 358000.

E-mail: trofimovasm@mail.ru

Алишина Ханиса Чайдатовна.

Доктор филологических наук, профессор.

Тюменский государственный университет.

ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003.

E-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru

Усманова Минсылу Губайтовна.
Доктор филологических наук, профессор.
Башкирский государственный университет им. Акмуллы.
Ул. Октябрьской революции, 3а, Уфа, 450000.
E-mail: usmanova.minsylu@mail.ru

Материал поступил в редакцию 20 июля 2023 г.

S. M. Trofimova, Kh. Ch. Alishina, M. G. Usmanova

THE NAMES OF LARGE DOMESTIC ANIMALS IN THE MONGOLIAN LANGUAGES IN COMPARISON WITH THE BASHKIR LANGUAGE AND THE LANGUAGE OF THE SIBERIAN TATARS²

This study aimed to scientifically process and comparatively analyze the names of domestic animals in the Khalkha-Mongolian, Old Mongolian, Buryat, and Kalmyk languages to identify common terms and determine their general Mongolian character. For comparison, parallels from the Bashkir language and the language of the Siberian Tatars were used to identify common Turkic-Mongolian terms for livestock associated with the names of domestic animals. We were able to determine that many of these terms are borrowed, and we were also able to determine that the terms associated with the camel in the Khalkha-Mongolian, Buryat, Kalmyk, and non-written Mongolian languages have a Turkic origin. Mongolian terms for cattle are also Turkic. The terms associated with horses have no Turkic equivalent.

Further study of this vocabulary layer, especially from the comparative-historical aspect, will make it possible to explain the external influence of the Mongolian languages under which the Mongolian terminology of domestic animals was formed because the Khalkha-Mongolian, Buryat, and Kalmyk terms have parallel terms in the Turkic languages such as *azarga*, *hyuleg*, *zhoroo*, *argamag*, *agta*.

Keywords: *the Khalkha-Mongolian language, the Buryat language, the Kalmyk language, the Bashkir language, the language of the Siberian Tatars, horse, cattle, camel, the Mongolian languages, the Turkic languages*

Sources:

- Akademicheskij slovar' bashkirskogo yazyka** [Academic dictionary of the Bashkir language] / pod red. F. G. Khisamitdinovoj. In 10 vols / Ufa: Kitap, 2011–2018 (in Russian).
- BAMRS 1**, 2001 – Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' [Large academic Mongolian-Russian dictionary]. In 4 vols. Vol. 1: A–G. Moscow, 2001. 520 p. (in Russian).
- BAMRS 2**, 2001 – Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' [Large academic Mongolian-Russian dictionary]. In 4 vols. Vol. 2: D–O. Moscow, 2001. 536 p. (in Russian).
- BAMRS 3**, 2001 – Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' [Large academic Mongolian-Russian dictionary]. In 4 vols. Vol. 3: Θ–F. Moscow, 2002. 440 p. (in Russian).
- BAMRS 4**, 2002 – Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' [Large academic Mongolian-Russian dictionary]. In 4 vols. Moscow, 2002. 532 p. Vol. 4: H–YA. (in Russian).
- Dialektologicheskij slovar' bashkirskogo yazyka** [Dialectological dictionary of the Bashkir language]. Ufa: Kitap, 2002. 432 p. (in Russian).
- Drevnyurkskiy slovar'** [Ancient Turkic dictionary]. Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (Eds). Leningrad: Nauka, 1969, 678 p. (in Russian).
- Kalmyczko-russkiy slovar'** [Kalmyk-Russian dictionary]. Pod. red. B. D. Munieva. M.: Izd-vo "Russkij yazyk". 1977. 764 p. (in Russian).
- Pyrbeev G. Cz.** Tolkovyj slovar' tradizionnogo byta kalmykov [Explanatory dictionary of traditional life of Kalmyks]. Elista: Kalm. kn. Izd-vo, 1996. 176 p. (in Russian).
- Rassadin V. I.** Tofalarsko-russkiy slovar' [Tofalar-Russian dictionary]. M.: Izdatel'skij Dom YASK, 2016. 608 p. (in Russian).
- Sevortyan E. V.** Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov (Obschetyurkskie i mezhtyurkskikhie osnovy na glasnye) [Etymological dictionary of Turkic languages (Common-Turkic and inter-Turkic vowel bases)]. M., 1974. 171 p. (in Russian).

² The research was supported by project No. 22-18-00060 of the Russian Science Foundation "Study of Turkic and Mongolian vocabulary of material culture related to traditional animal husbandry: a comparative historical aspect".

BRS 1, 2006 – Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryatsko-russkij slovar' [Buryat-Russian dictionary]. In 2 vols. Vol. 1. A–N. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2006. 636 p. (in Russian)..

BRS 2, 2008 – Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryatsko-russkij slovar' [Buryat-Russian dictionary]. In 2 vols. Vol. 1. A–N. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2008. 708 p. (in Russian).

Tumasheva D. G. Slovar' dialektov sibirskikh tatar [Dictionary of dialects of Siberian Tatars]. Kazan': Izd-vo KGU, 1992. 366 p. (in Russian).

Ramstedt G. I. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935. P. 421.

References:

Ashirov P. Zhivotnovodcheskaya leksika v turkmenskoy yazyke [Livestock vocabulary in the Turkmen language]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ashkhabad, 1971. 16 p. (in Russian).

Badmazyrenova S. V. Leksika traditsionnogo khozyaystva okinskikh buryat i soyotov v sopostavlenii s mongol'skoy [Vocabulary of the traditional economy of the Oka Buryats and Soyots in comparison with the Mongolian]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Elista, 2006. 18 p. (in Russian).

Bayarsajkhan B. Leksika zhivotnovodstva v cengel'skom dialekte tuvinskogo yazyka: v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte [Vocabulary of animal husbandry in the Tsengel dialect of the Tuvan language: in a comparative aspect]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2009. 26 p. (in Russian).

Buranov M. Terminy zhivotnovodstva v uzbekskikh govorah Karakalpakii [Terms of livestock husbandry in the Uzbek dialects of Karakalpakstan]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tashkent, 1972 (in Russian).

Bardaev E. Ch. Nomadnaya leksika mongol'skikh narodov (nazvaniya domashnikh zhivotnykh po polu, vozrastu i masti) [Nomadic vocabulary of the Mongolian peoples (Names of domestic animals by gender, age and size)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1976. 25 p.

Vladimircov B. Ya. Sledy grammaticheskogo roda v mongol'skom yazyke [Traces of grammatical gender in the Mongolian language] // Doklady Akademii nauk, 1025. P. 31–34 (in Russian).

Nadergulov U. F. Zhivotnovodcheskaya leksika bashkir [Livestock vocabulary of the Bashkirs]. Ufa, 2000. 185 p. (in Russian).

Narylkova O. V. Loshad' i eyo naimenovaniya v hakasskom yazyke [Horse and its names in the Khakass language] / Ezhegodnik Instituta Sayano-Altajskoj tyurkologii. Iss. 11. Abakan, 2007. P. 29–31 (in Russian).

Nominkhanov Cz. D. Terminy zhivotnovodstva v tyurkskikh i mongol'skikh yazykakh [Terms of animal husbandry in Turkic and Mongolian languages] // Trudy' sektora vostokovedeniya, 1959. Vol. I. P. 87–116 (in Russian).

Rassadin V. I. Buryatskaya zhivotnovodcheskaya terminologiya kak istochnik po istoricheskoy etnografii [Essays on the history of the formation of the Turkic-Mongolian linguistic community] / Etnicheskaya istoriya i kul'turno-bytovoy traditsii v Buhyatii. Ulan-Ude, 1984. P. 55–80 (in Russian).

Rassadin V. I. Kompleks leksiki nomadnogo skotovodstva mongol'skikh yazykov v svete tyurko-mongol'skikh yazykovykh svyazey [Complex vocabulary of nomadic cattle breeding of Mongolian languages in the light of Turkic-Mongolian linguistic connections] // Uralo-altajskije issledovaniya. 2010. No. 1 (2). P. 32–38 (in Russian).

Rassadin V. I. Skotovodcheskaya leksika kalmyczkogo yazyka v sravnenii s tureczko-meskhetskoy [Cattle-breeding vocabulary of the Kalmyk language in comparison with Turkish-Meskhetic] // Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. 2011. No. 8. P. 83–90 (in Russian).

Rassadin V. I. Ocherki po istorii slozheniya tyurko-mongol'skoy yazykovoy obschnosti [Essays on the history of the formation of the Turkic-Mongolian linguistic community] / pod red. A. V. Dybo. SPb.: Nestor-Istoriya, 2019. 608 p.

Rakhimova A. R. Leksika sibirskikh tatar [Vocabulary of dialects of Siberian Tatars]. Kazan', 2001. 190 p.

SIGTYA – Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Lexicon]. Ed. by E. R. Tenishev. Leningrad, 1997. 798 p. (in Russian).

Telin V. V. Slozhenie plasta terminov traditsionnogo khozyaystva buryat [Formation of the layer of terms of the traditional economy of the Buryats: abstract of thesis]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ulan-Ude, 2000. 16 p. (in Russian).

Trofimova S. M. Imennyye chasti rechi v mongol'skikh yazykakh [Nominal parts of speech in Mongolian languages]. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta. Ulan-Ude, 2001. 366 p. (in Russian).

Khasiev Z. Askeroglu. Terminy zhivotnovodstva v zapadnoj gruppe dialektov i govorov azerbajdzhanskogo yazyka [Asker oglu. Terms of livestock husbandry in the western group of dialects and dialects of the Azerbaijani language]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Baku, 1976. 21 p. (in Russian).

Shcherbak A. M. Nazvaniya domashnikh i dikikh zhivotnykh v tyurkskikh yazykakh [Names of domestic and wild animals in Turkic languages] / Istoricheskoe razvitiye leksiki tyurkskikh yazykov [Historical development of the vocabulary of Turkic languages]. M., 1961. P. 82–172 (in Russian).

Yaimova N. A. Naimenovaniya loshadi v altajskom yazyke [Names of horses in the Altai language] // Teoreticheskiye voprosy altayskoy grammatiki [Theoretical issues of Altai grammar]. Gorno-Altaysk, 2002. P. 225–229 (in Russian).

Trofimova Svetlana Menkenovna.

Doctor of Philology, Professor.

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikova.

Pushkina str., 11, Elista, Russia, 358000.

E-mail: trofimovasm@mail.ru

Alishina Khanisa Chaidatovna.

Doctor of Philology, Professor.

Tymen State University.

Volodarsky str., 6, Tyumen, Russia, 625003.

E-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru

Usmanova Minsylu Gubaytovna.

Doctor of Philology, Professor.

Bashkir State Pedagogical University named after Akmullah.

Oktyabrskoy revolyutsii str., 3a, Ufa, Russia, 450000.

E-mail: usmanova.minsylu@mail.ru